

Расплата

Домой в Тёфу Тацуя и остальные вернулись только около 18 часов 22 числа.

Миюки — не только наследница поста главы семьи Йоцуба, но и генеральный директор управляющей компании завода со звёздным реактором. Помимо самой демонстрации для Министерства обороны, на Миякидзиме было полно и других дел. И пока все эти дела делались, время незаметно подошло к закату.

Тацуя — это отдельный разговор, а вот Миюки хотела остаться на Миякидзиме ещё на один день. Однако они и так уже прогуляли два дня подряд. Более того, это трудно было назвать пропуском занятий по работе. Можно сказать, что всю работу для Компании Магиан делал Тацуя, Миюки была его сопровождающей, а Лина — сопровождающей Миюки. В общем, нельзя было пропускать ещё больше занятий... точнее, Тацуя не позволил ей этого.

Здание Токийского штаба Йоцубы в Тёфу. Сразу после прибытия домой на верхний этаж. Если говорить точнее, то через 5 минут. Тацуе позвонили Фумия с Аяко, чтобы попросить о встрече.

Тацуя встретился с ними в ресторане на третьем этаже. Он решил заказать в ресторане еду на пятерых, чтобы не обременять Миюки лишней готовкой.

В данном ресторане было 6 частных комнат, в которых можно вести секретные разговоры во время еды. Правда, единственными посетителями этого ресторана являются люди Йоцубы.

Тацуя, Миюки, Лина, Фумия и Аяко сели за один стол в самой роскошной (и обладающей самой надёжной приватностью) из этих комнат. Расселись они так: рядом с Тацуйей — Миюки, а напротив него — Фумия. Рядом с Миюки — Лина, а напротив неё — Аяко.

— Тацуя-сан, хорошо поработал.

Первым заговорил Фумия, сказав Тацуе формальные слова похвалы за работу. У него были подрумянены щёки и подкрашены в чёрный цвет ногти (подобный маникюр считается "унисекс" стилем, которым нередко пользуются и мужчины).

— Спасибо. Вы двое, наверное, тоже работаете, не покладая рук.

Тацуя поручил им наблюдение за одним членом семьи Изаёй, знаменитого рода волшебников древней магии, считающегося сильнейшим среди Ста Семей. Если говорить конкретней, то объектом наблюдения был Изаёй Ширабэ — младший брат главы семьи. Задача наблюдения состоит в отслеживании, будет ли использоваться магия проклятий, а это требует круглосуточного наблюдения, которое куда более обременительно, чем простое наблюдение за

домом с улицы.

Разумеется, наблюдение ведут не только эти двое. Скорее, даже наоборот, наблюдение по большей части ведётся подчинёнными семьи Куроба. Однако тут есть один нюанс: данная работа выполнялась не как приказ главы семьи Йоцуба главе семьи Куроба, а как поручение лично Тацуи лично этим двоим. Другими словами, командование и контроль за подчинёнными было возложено на плечи именно Фумии и Аяко. Психологическая нагрузка от этого намного сильнее, чем от обычного ведения наблюдения в одиночестве.

— Ну а как иначе. Ведь Тацую-сан доверился нам, поручив эту работу. — Грациозно улыбнувшись Тацуе, ответила Аяко, которая была "при полном параде": в отношении как макияжа, так и платья. Как бы Фумия ни тянул внешне на красивую девушку, Аяко обладала недостижимой для него пугающей женской сексуальной привлекательностью.

Настолько пугающей, что если бы она провернула то же самое по отношению к среднестатистическому женатому мужчине, то это с определённой долей вероятности разрушило бы его семью. Даже у неженатого мужчины отношения с возлюбленной/невестой могли бы дать трещину в такой ситуации. В общем, Аяко могла себе позволить так "переусердствовать" с внешностью лишь потому, что сегодняшним её собеседником был не среднестатистический мужчина, а Тацую.

— Главное не перенапрягайтесь там.

Тацую, как и ожидалось, спокойно проигнорировал это "заигрывание" Аяко.

Лицо Фумии на мгновение напряглось. Причиной тому стал едва сдерживаемый смех. А сдержался он потому, что решил, что у его сестры испортится настроение, если он сейчас рассмеётся.

— На данный момент Изаёй Ширабэ ничем таким не занимался.

Фумия предотвратил такое неблагоприятное развитие событий, заговорив с Тацуей с наигранно серьёзным лицом.

— Ясно. По словам мастера, наложить проклятие подрядился храм Хиэй... точнее, монахи-отступники из изотерической ветви буддизма Тендай. Маловероятно, что Изаёй Ширабэ будет замешан в этом. К текущему моменту я уже закончил с отвлекавшими меня делами. Если на сегодняшний день нет никаких признаков получения целью запроса на проклятие, то вы можете снять наблюдение.

По сути, Тацую поручил Фумии с Аяко наблюдение за Изаёем Ширабэ исключительно потому, что сам не мог заняться этим, так как был занят демонстрацией для правительства и военных. На данный момент подрыв кометы успешно завершён, и остаётся лишь ждать реакции сил самообороны. Другими словами, теперь Тацую может и сам следить за Изаёем Ширабэ.

— Нет, прошло всего 3 дня. Мы понаблюдаем ещё немного.

Однако Фумия настоял на продолжении.

— Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы детально изучить Изаёя Ширабэ.

У Фумии ещё была свежа память о том, как во время недавнего преследования лидера ФПЧ магия Изаёя Ширабэ заставила его попотеть. Поэтому Фумия расценивал его как человека, которому следует уделить особое внимание.

В таком случае у Тацуи не было необходимости отзываться свой запрос.

— Ну, раз так, тогда продолжайте.

После этого они переключились на ужин с лёгкими алкогольными напитками и беседами об университетской жизни.

◇□◇□◇

Инициированная армейской службы разведки подлая операция по оказанию на Тацую психологического давления путём наложения проклятия на его подруг была отменена благодаря всего одному высказыванию министра обороны, который даже не догадывался о глубине смысла своих слов.

Однако эта операция получила поддержку некоего закулисного деятеля — одного из четырёх старейшин Сената. Точнее, этот старейшина — Касива Кадзутака — собственно, и был тем, кто предложил эту идею. Молодой министр не знал этих обстоятельств (более того, он не знал и о существовании Сената), поэтому так беззаботно выпустил это распоряжение. Однако это не значит, что занимающиеся этим заданием люди просто остановились и сказали "отмена так отмена, заканчиваем".

Один из заместителей директора армейской службы разведки (да, заместителей там несколько) Инукай попросил Касиву Кадзутаку о встрече для извинений и объяснения обстоятельств.

В тот же день, когда было принято решение об отмене операции, Инукай пришёл прямо в юридическую контору Касивы и вручил им письмо с мольбой о встрече. А на следующий день ему позвонили из этой конторы и первой же фразой сказали:

— Сэнсэй сказал, что не нужно приходить извиняться.

— Но ведь не только я чувствую себя виноватым, но и Саёндзи тоже! Умоляю, пересмотрите это решение!

Инукай попытался уцепиться за имя генерала в отставке Саёндзи как за спасительную соломинку. Для Инукай, знавшего, на что способен Сенат, отказ старейшины звучал как смертный приговор.

— Чувствуете себя виноватым, говорите? Ещё раз: сэнсэй сказал "не беспокоиться об этом". Не понимаете?

Однако отношение доверенного лица оказалось куда более холодным, чем предполагалось.

— Сэнсэй понимает вашу позицию в этом вопросе. Независимо от внешних обстоятельств, наиболее разумно будет подчиниться решению министра, являющегося руководителем вашей организации.

Инукай не принял эти слова за чистую монету.

Более того, разум Инукай воспринял эти слова как вопрос Касивы "ты подчиняешься словам министра вместо моих?", даже не задумавшись о том, что это была слуховая галлюцинация.

Сразу после звонка из юридической конторы, Инукай отменил все свои рабочие дела и отправился на встречу с бывшим эзотерическим монахом, у которого он заказал наложение проклятия, воспользовавшись рекомендательным письмом от Касивы.

"Бывшим" этот шаман называется по той простой причине, что его исключили из монахов. В приличных религиозных организациях разрешается изучать магию проклятий в качестве защитных техник или мер противодействия. А вот для причинения вреда другим или извлечения прибыли проклятия использовать уже не допускается. То же самое можно сказать про храмы и святилища, в долгой истории которых нередко появлялись тёмные пятна. Так что исключения из монашества — это своего рода естественный ход событий.

Однако с другой стороны, потребность в проклятиях, всё же, имеется. И это не исторический факт, а суровая действительность. И чтобы удовлетворять эти потребности, шаманам приходится скрываться и прятаться. Скрываются они обычно магией, искажающей восприятие

и распознавание.

Так что с настоящим (имеющим реальную силу) шаманом трудно связаться, даже обладая поисковыми возможностями армейской службы разведки. Договориться о том, чтобы запрос был принят, ещё труднее. Вот почему изначально потребовалось рекомендательное письмо Касивы.

Таким образом, при отмене запроса, подкреплённого рекомендательным письмом, необходимо быть максимально вежливым, чтобы не навредить репутации давшего эту рекомендацию человека. Нельзя просто позвонить и сказать "отменяется". Если сделать что-то не так, есть риск навлечь на себя недовольство написавшего рекомендательное письмо человека. С такими вот издержками и рисками приходится иметь дело посредникам власть имущих.

Инукай был в замешательстве. Если подчиниться решению организации, то запрос должен быть отменён.

Но если отменить в текущих обстоятельствах, то что про него подумают в Сенате?

Работник юридического агентства сказал, что можно и отменить. Что Касиве всё равно.

Инукай не поверил этим словам.

"Меня так испытывают."

Такая мысль крепко засела в его голове.

"Ты что, боишься какого-то жалкого министра обороны и остальных старейшин Сената?"

У него было стойкое чувство, будто ему задают такой вопрос.

Окончательное решение Инукай принял только после того, как уже постучал в дверь удалённой хижины, в которой скрывался шаман.

Инукай не знал имя этого шамана. В письме было указано лишь местоположение этой хижины, а сам шаман говорил о себе: "я всего лишь бонза". Он был исключён из монашества, поэтому назвал себя не "монахом", а "бонзой*", что также означает "обывателя в монашеских одеяниях". В общем, называл он себя вполне уместным термином. Поэтому Инукай обращался к нему "бонза-доно".

[Бонза это просто синоним к слову монах (в случае японских монахов). В данном случае я его вставил исключительно чтобы показать, что в тексте используются 2 разных слова.]

— Инукай-сан, по какому делу пожаловали сегодня? — Усадив Инукая на пол напротив себя, обратился к нему шаман. Они оба сидели прямо на татами. Никаких подушек или стульев под ними не было. Гостевой чай тоже не был предложен.

— Бонза-доно. Каков текущий статус выполнения моего запроса?

— Вы пришли о нём напомнить? Но я уже говорил вам, что на подготовку потребуется время.

— Поэтому и спрашиваю, как продвигается.

— В качестве медиума у меня лишь фото и имена...

Для наложения проклятия нужен некий медиум — посредник между заклинателем и заклинаемым. Чем сильнее связь предмета с заклинаемым, тем эффективней он в качестве медиума. В частности, когда целью проклятия является вмешательство в тело заклинаемого, желательно, чтобы медиумом выступала часть тела этого человека. Самыми популярными и доступными являются волосы и ногти. Чрезвычайно эффективна в этом плане свежая кровь. Но в качестве медиума сгодится и свернувшаяся засохшая кровь.

Вообще, для наложения проклятия достаточно имени и фотографии в качестве медиума, однако когда целью является вмешательство в тело человека, заклинатель всегда будет хотеть волосы или ногти жертвы для упрощения процесса.

— ...но вы не переживайте. Этап подготовки уже завершён. Я начну этой ночью.

— Понятно.

Судя по голосу Инукая, он был совсем не рад прогрессу поручения.

— ...Следует ли мне продолжать? — Уловив это едва заметное изменение интонации, спросил шаман.

— Разумеется. Чем быстрее начнёте, тем лучше.

Лицо Инукая переполнилось горечью от того, что он только что лично отрезал себе пути отступления.

В 2 часа ночи 24 числа у Микихико возникло неприятное ощущение надвигающейся беды.

"Глухой ночью, когда спят даже растения... Это довольно традиционно. Как и предполагалось."

Однако то же самое можно было сказать и про самого Микихико, сидящего в дневной одежде перед алтарём с ритуальным огнём. Другими словами, он заранее предполагал, что атака проклятием начнётся именно в это время.

Семья Микихико — Йошида — часто рассматривается другими волшебниками как синтоистская. С этой точки зрения может показаться странным, что Микихико сидел перед огненным алтарём. Хотя буддизм и синтоизм в Японии тесно переплетены, однако ритуалы хома [поклонение огню] практикуют только в буддизме. "Алтарь хома", перед которым сидел Микихико, явно следовал традициям эзотерического буддизма.

Однако те, кто видел здесь несоответствие, просто не понимают магию семьи Йошида. Семья Йошида создала свою собственную систему магии, долгие годы жадно впитывая самую различную магию, независимо от того, к какой религии она принадлежит. Точнее, даже не обращая внимания, принадлежит она к религии или нет.

Другими словами, метод противодействия проклятиям с помощью ритуала хома тоже был не заимствованной техникой, а одной из магий семьи Йошида.

"И целями действительно стали Шибата-сан и Эрика..."

Мизуки с Эрикой со вчерашнего дня ночевали дома у Микихико. Прислушавшись к предупреждению Тацуи, он поселил их в женском общежитии для учеников. Именно поэтому он смог так быстро обнаружить проклятие.

"Непростительно. Нападать на Шибату-сан — абсолютно непростительно."

— Намах саманта буддханам агнае сваха [namaḥ samanta-buddhānāṃ agnaye svāhā]

Микихико пропел мантру бога огня Катена — буддистской версии Агни.

— Ом шримали мамали мали шушри сваха [oṃ śrimali mamali mali śuśri svāhā]

Следом была пропета "мантра очищения" Учхушмы — одного из пяти великих божеств,

заимствованных эзотерическим буддизмом из индуизма. Эта магия противодействия проклятиям была выбрана на основе услышанного им факта, что вражеский заклинатель является волшебником древней магии школы эзотерического буддизма.

Если бы это заклинание увидел какой-нибудь "правильный" буддистский монах, то несомненно скривил бы лицо и обвинил заклинателя в плагиате. Однако ни самого Микихико, ни семью Йошида это не волновало. Ведь их интересует лишь практичность.

Пламя алтаря ярко вспыхнуло.

Микихико тут же бросил в это пламя маленькое медное (не бронзовое) зеркальце с выгравированным на тыльной стороне амулетом.

— И тогда бог Идзанаги прошёл ритуал очищения мисоги в Ахагихаре*...

[В оригинале там непере译имый японский фольклор. Отсылка к эпизоду из японской мифологии, в котором после своего возвращения из страны Ёми, Идзанаги совершал многочисленные омовения.]

На этот раз он пропел уже синтоистскую молитву.

Температура ритуального огня гораздо ниже температуры плавления меди, превышающей 1000°C.

Тем не менее, медное зеркальце-амулет в мгновение ока растворилось в ритуальном огне.

В тот же самый момент в некой непримечательной хижине где-то на окраине столичного региона закричал от боли и упал на пол некий шаман.

Однако это был лишь обморок, а не смерть.

◇□◇□◇

24 июня, кампус Национального университета магии.

— Миюки, Лина.

Когда Миюки с Линой направлялись в университетскую столовую после утренних лекций, к ним сзади кто-то обратился.

— Эрика.

Когда они обернулись, Эрика помахала им рукой и подбежала к ним.

— Вы на обед? Можно с вами?

— Да, конечно.

Хотя в последнее время у них не так часто выпадает возможность пообщаться, но знакомы они ещё со старшей школы. Поэтому у Миюки не было причин отказываться.

— Я тоже не против.

Лина тоже согласилась, и все трое пошли в столовую вместе.

Сев втроём за один стол, они болтали на повседневные темы прямо во время еды.

— ...Кстати, Эрика. Ты ведь хотела поговорить о чём-то конкретном? — Спросила у неё Лина, когда обед уже подходил к концу.

— Хех, догадалась-таки?

Эрика улыбнулась с выражением "я попалась" на лице.

— Я поставила звукоизоляционное поле.

Этими словами Миюки призвала Эрику рассказать, что хотела.

И Эрика не была бы собой, если бы пошла на попятную, зайдя так далеко.

— Ладно, говорю как есть. Передайте Тацуне-куну, что этой ночью на меня и Мизуки наложили проклятие.

У Миюки с Линой одновременно перехватило дыхание.

Однако на их лицах было не "удивление неожиданным плохим известием", а нечто вроде выражения "это всё-таки случилось".

— К счастью, Мики быстро это заметил, и в итоге обошлось без происшествий.

После этого дополнения от Эрики, напряжение на лицах Миюки и Лины ослабло.

— Ясно... Значит, они проигнорировали предупреждение Тацуи. Глупцы.

Лина произнесла это с состраданием в голосе.

— Вы обе были в курсе? — С выражением лица "так я и думала" спросила Эрика.

— Я передам это Тацуе-сама.

Вместо ответа на вопрос Эрики, Миюки выразила согласие с её просьбой "передать это Тацуе". После чего добавила с чересчур спокойным лицом:

— Извини. Скоро с этим разберутся.

◇□◇□◇

За ужином Миюки доложила Тацуе о том, что Эрика с Мизуки подверглись атаке проклятием. В ответ на это Тацуя после ужина позвонил Хёго и приказал ему явиться в конференц-зал на втором этаже.

Закончив телефонный разговор, Тацуя сразу же вышел из комнаты и вошёл в лифт. И когда он вышел из лифта на втором этаже, в коридоре его уже ждал Хёго.

Почтительно поклонившись, Хёго предложил следовать за ним. Тацуя так и сделал.

Войдя в конференц-зал, Тацуя сел на ближайший ко входу стул. Его больше интересовали эффективность и практичность, поэтому он даже не задумывался о таких понятиях, как "главные" и "не главные" места за столом. Дождавшись, когда Хёго закроет дверь в конференц-

зал и встанет напротив него, Тацуя заговорил. Он знал, что Хёго не сядет, сколько ему не предлагай, так что просто сэкономил себе время, не став это делать.

— Похоже, этой ночью было выполнено наложение проклятия на Тибу Эрику и Шибату Мизуки.

— Вот оно что.

Хёго сузил глаза. Выражение его лица оставалось невозмутимым, и лишь его взгляд стал ледяным.

— Удалось ли выяснить, кто в службе разведки является ключевым лицом в этом деле?

К Хёго, в отличие от Фудзибаяси Хирото, Тацуя обращался вежливо. Отчасти это было потому, что это уже с давних пор вошло у него в привычку, но главной причиной был тот факт, что Хёго является его личным дворецким, официально назначенным главным домом Йоцубы.

— Да. Это замдиректора службы разведки по фамилии Инукай.

У Хёго уже был готов ответ исключительно потому, что Тацуя уже давно поручил ему это расследование, предсказав препятствование поездке Маюми ещё до того, как Якумо поделился с ним информацией об этом. В частности, целенаправленное исследование службы разведки было решено проводить из-за предположения, что они могут быть к этому причастны.

— Замдиректора Инукай...? В публиковавшихся силами самообороны списках, вроде бы, не было замдиректора с такой фамилией.

— В списках он числится обычным клерком. По факту это не преданный огласке заместитель директора, который курирует незаконную деятельность.

— Вот оно что. Раз у него такая должность, то становится понятно, почему он полагается на методы вроде проклятий.

Тацуя кивнул с бесстрастным выражением лица.

— Тацуя-сама, как вы с ним поступите?

— ...Стирать, думаю, не стоит. — Немного подумав, ответил Тацуя.

— Но и забыть об этом, ничего не предприняв, мы тоже не можем.

— Тоже верно. Тогда сделаем ему строгое персональное предупреждение.

Тацуя согласился с аргументом Хёго. Более того, он тут же решил, что именно нужно сделать.

— И кого вы к нему отправите?

— Хм... Отправлю-ка я Даймона.

— А, этого...

Хёго скривил лицо потому, что Фудзибаяси Хирото был из числа личного персонала Тацуи, и для семьи Йоцуба считался посторонним.

— ...Нет, я всё понял. Извиняюсь.

Однако он быстро изменил своё мнение. Но не потому, что боялся, что Тацуя заметит его несогласие, а потому, что понял, что от слабо связанного с Йоцубой человека будет проще избавиться в случае чего.

— Спасибо за работу, Хёго-сан.

Хирото — личный подчинённый Тацуи. Хёго не может отдавать ему приказы. Тацуя сам его вызовет и сам отдаст приказы.

— Не за что. За сим извольте вашему покорному слуге удалиться.

Отвесив почтительный поклон, Хёго покинул Тацую.

◇□◇□◇

Заместитель директора армейской службы разведки Инукай проживал не в служебной квартире, а в обычном многоквартирном доме. Жил он один. Он был разведён, детей у него не было. Для людей вроде Инукая это довольно распространённое положение.

Кому-то может показаться, что проживание члена руководства службы разведки в обычном гражданском здании ставит под вопрос сохранение военных тайн. И служба разведки, и сам

Инукай отлично это понимали. В его квартире был только самый необходимый минимум принадлежностей для проживания. На информационный терминал в его комнате не были установлены ключи шифрования, предназначенные для связи с рабочим местом. В его мобильном терминале не было связанных с работой записей в телефонной книге, история звонков была отключена, и терминал работал только на приём звонков. Кроме того, он также не носил с собой ID госслужащего. А для входа на работу он использовал гражданскую ID-карту и биометрические данные.

Для проживания был выбран дом с довольно надёжной системой охраны, однако специфического оборудования, вроде оценивающего социальный статус людей, тут установлено не было. Поэтому если он будет вовлечён в преступление, то ему придётся смириться с сопутствующим ущербом как обычному гражданскому лицу.

Исходя из всего перечисленного, для Хирото, обладающего техниками семьи Фудзибаяси, не составило особого труда проникнуть в квартиру Инукай.

25 июня, первый час ночи. Время, когда в крупных городах много кто ещё не спит. Фудзибаяси Хирото приземлился на балконе квартиры Инукай.

"...?"

Сразу после проникновения на балкон Хирото почувал нечто неладное.

В квартире не было признаков присутствия живых людей.

Было заранее подтверждено, что после возвращения домой Инукай не покидал здание. Также было выяснено, что у Инукай нет знакомых, к которым он мог бы навеститься в гости в такой поздний час.

Что-то явно произошло. Если бы это была исследовательская миссия, то на этом можно было бы остановиться и уйти. Однако сегодняшней работой Хирото была передача сообщения хозяина. Поэтому ему необходимо было во что бы то ни стало встретиться с целевым человеком. Даже если тот уже труп.

Хирото аккуратно приоткрыл стеклянную балконную дверь и бесшумно вошёл внутрь.

Освещение было выключено, но для его глаз здесь было достаточно света.

Как и прежде, никаких признаков живых людей не обнаружилось. Однако интуиция Хирото подсказывала ему: "в соседней комнате кто-то есть".

Хирото пересёк текущую комнату, задействовав максимальную степень доступной ему скрытности. За дверью был короткий коридор. А за ним — соседняя комната. Он осторожно потянулся к дверной ручке.

Но за мгновение до того, как он её коснулся...

...дверь открылась.

За дверью стоял человеческий силуэт без каких-либо признаков человеческого присутствия.

Хирото рефлекторно встал в боевую стойку.

◇□◇□◇

— ...Противник тоже был готов атаковать, но столкновения в итоге удалось избежать.

— Избежание боя — это хорошо.

Раннее утро 25 июня. Хирото стоял преклонив колено перед Тацуей на тренировочной площадке, расположенной на одном из этажей Токийского штаба Йоцубы. Тацуя был на утренней тренировке, когда нагрянул Хирото, сказав "вы должны услышать это немедленно". Тацуя прервал тренировку, чтобы выслушать доклад.

— Не считите за хвастовство, но так, вероятно, произошло по той причине, что мы оба смогли опознать личность друг друга в той темноте.

— То есть, майор Янаги тебя тоже знал?

Человеком, на которого наткнулся Хирото этой ночью в квартире Инукая, был майор Янаги из Отдельного магически оборудованного полка. Это мастер рукопашного боя, хорошо знакомый и самому Тацуе.

— Должен заметить, что тебе повезло. Вряд ли для тебя всё закончилось бы без происшествий, если бы бой всё же состоялся.

Хирото не стал возражать против замечания Тацуи. Он и сам прекрасно понимал, что в замкнутом помещении с ограниченными возможностями побега у него мало шансов против

Янаги.

— И что в итоге, ты встретился с Инукаем?

Тацуя сменил тему, однако далеко не из-за беспокойства о чувствах Хирото.

Он просто не хотел тратить на это время.

— Я обнаружил его труп.

Брови Тацуи ненадолго приподнялись, когда он услышал ответ.

Это была единственная его эмоциональная реакция на это.

— Работа майора Янаги? — Невозмутимым тоном спросил Тацуя.

— По его собственным словам.

Несмотря на формулировку, ответ Хирото был утвердительным.

— Тацуя-сама, у меня сообщение от майора Янаги. — Добавил Хирото.

— Слушаю.

Тацуя призвал его продолжить.

— Есть. "Силы самообороны сами разобрались с вышедшим из-под контроля военным. Надеемся, мы вас убедили" — вот что он сказал.

— Какая-то несвойственная полковнику Казама чрезмерная реакция... — Пробормотал Тацуя с чем-то вроде горечи на лице. В этот момент у него в голове промелькнула мысль "неужели Казама настолько меня опасается?".

— Прошу меня простить, но разве это не уместная расплата за проклятие?

Вряд ли Хирото прочитал мысли Тацуи, однако он привёл хороший контраргумент против этих мыслей.

Его слова были буквально пропитаны негативными эмоциями по отношению к проклятиям.

Сама по себе магия проклятий может чем-то и полезна, однако отвращение к "проклинанию людей" у волшебников древней магии вроде Казама или Хирото явно намного сильнее, чем у других.

— ...Будем считать, что так и есть. Спасибо за работу, Даймон.

Хирото низко поклонился в ответ на благодарность за работу.

Не поднимая голову из поклона, он встал и покинул Тацую.

В тот же день Хёго доложил о решении министра обороны (запрет на препятствование поездкам волшебников за границу). Также стало известно, что продолжение попыток проклясть Мизуки и Эрику было грубым нарушением приказа и самодеятельностью.

Дальнейшее раскачивание лодки для Тацуи было бы нежелательным.

◇◇◇◇◇

Эта серия происшествий вышла далеко за рамки простого устранения препятствий для поездки Маюми и Рёске в Америку. Это открыло огромную дыру в фактических ограничениях на выезд волшебников за границу.

Однако до того, как это станет ясно всем, ещё далеко.

Суббота, 26 июня. На данный момент в качестве "персонального исключения", Маюми и Рёске вылетели в Международный аэропорт Ванкувера из плавучего международного аэропорта Токийского залива.

А на следующий день с базы Зама вылетел транспортный самолёт с Линой на борту.

<http://tl.rulate.ru/book/43753/1696008>